

КОГНИТИВНАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Актуальность когнитивных исследований определяется необходимостью системного изучения работы человеческого сознания и пониманием того, что наиболее единственным и доступным способом этого изучения является анализ языковых структур. Исследование широкого круга языковых явлений связано с соотношением языковых форм с их ментальными репрезентациями и с тем опытом, который они отражают. Когнитивный подход к изучению фактов языка используется также для выявления культурных и национальных особенностей членения действительности. Исследования в русле когнитивной парадигмы предполагают обращение к носителю языка – говорящей мыслящей личности. Опубликованные в разделе статьи представляют результаты изучения процессов обыденного познания.

Статья Д.Н. Галимовой (Благовещенск) посвящена анализу фрагмента диалектной метафорической картины мира, который связан с представлениями диалектоносителей о природных объектах и явлениях.

В работе Е.Л. Калининой (Хабаровск) исследуется отражение в языковом сознании говорящих топонима как культурно-языкового кода.

Когнитивный подход к языковому материалу весьма продуктивен в лексикографической практике. Опыт лингвокогнитивного лексикографирования на материале народных примет дождя представлен в статье В.П. и Э.В. Васильевых (Кемерово).

УДК 800.86/87; 003

Д.Н. Галимова

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ МИРА ПРИРОДЫ В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ

В статье предпринят опыт лингвокогнитивного моделирования концептуальной сферы «Мир природы» на материале метафорических наименований явлений природы в русских говорах Приамурья.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, амурские говоры, диалектная метафора, миромоделирование, диалектный дискурс, языковая картина мира

The paper is intended at inventorying a cognitive model of the concept area "Natural World". The empirical material understudy includes metaphorical names of natural phenomena in Russian dialects in the Amur Region.

Key words: Cognitive Linguistics, Amur Dialects, Dialect Metaphor, Dialect Discourse, World Image Reflected in Language.

При метафорическом моделировании фрагмента действительности человек использует образы из хорошо знакомых ему сфер, простые и конкретные, либо такие, в которых существенный в именуемом предмете признак выражен, по мнению называющего, явно. Характер используемых образов дает основания для того, чтобы делать выводы об эмоциональном и ценностном отношении говорящего к объекту метафоризации, об особенностях мировосприятия конкретного фрагмента действительности. Выбор источника для метафорического переосмысления обусловлен психическими и физиологическими особенностями восприятия, а также этно-

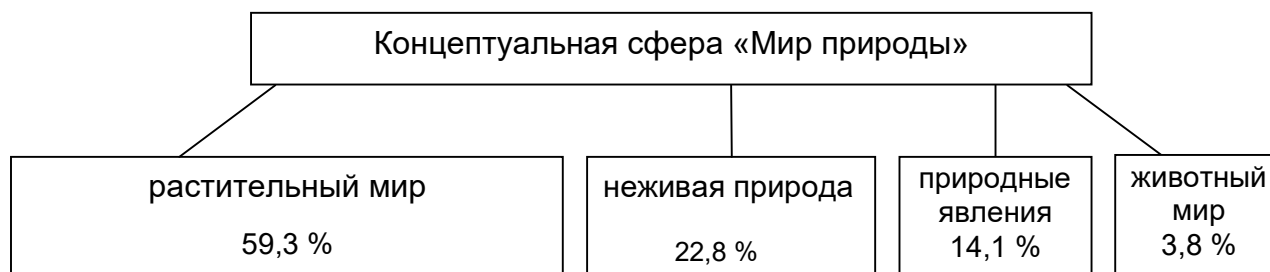
культурными особенностями, стереотипными шаблонами мышления, бытовыми условиями, социально-историческими событиями и ситуациями и т.д.

Исследование диалектной метафорической лексики говоров Амурской области выполнено с опорой на *теорию концептуальной метафоры* Дж. Лакоффа и М. Джонсона [1], в рамках которой метафора рассматривается как когнитивная операция над знаниями, способ отображения полученных знаний и объяснения действительности. Метафора связывает две понятийные сферы, создавая возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы. Представители когнитивной лингвистики в метафоре видят «основную когнитивную операцию», «важнейший способ познания и рубрикации мира» [2].

Наравне с метафорами в узком смысле слова в настоящем исследовании рассмотрены образные сравнения, метонимии, фразеологизмы, составные наименования как единицы, имеющие общую с лексической метафорой когнитивную основу и построенные на соотношении разных концептуальных областей.

Метафорические модели, по которым организуются метафоры понятийной сферы «природа» в диалектном дискурсе, реконструированы на основе соотношения исходного значения (далее – ИЗ) и результативного значения (далее – РЗ) метафор и, при наличии оценочной коннотации, на основе анализа выражаемых ими оценочных смыслов. Частные модели сгруппированы на основании общности сферы-мишени.

Как показывает проведенный анализ диалектной метафорической картины мира, реконструированной по записям речи жителей Амурской области, в сознании диалектоносителей понятия, входящие в сферу «природа», метафорическому переосмыслению подвергаются регулярно. В картине мира диалектоносителей природные объекты и явления являются самостоятельными, одушевленными сущностями, способными воздействовать на человека, что может быть расценено им как помощь либо как негативное воздействие. Фрагмент диалектной метафорической картины мира, отражающий представления диалектоносителей о природе, заполнен неравномерно: основное количество метафорических номинаций натурфактов относится к классу «Растительный организм», что обусловлено практическими интересами информантов (82 % которых – женщины), значимостью объектов данного класса как продуктов питания и лекарственных средств. Концептуальная сфера «Мир природы» может быть представлена в виде схемы, отражающей основные ее составляющие:

1. Растительный мир

Метафоры, являющиеся собственно названиями **объектов растительного мира**, в диалектном дискурсе относятся прежде всего к комнатным и садовым растениям, а также называют дикорастущие растения. Метафорическая номинация отражает особенности внешнего вида, вегетативного цикла и лечебные свойства растений.

Метафорические названия растительных организмов образованы по одной из трех метафорических моделей: «Растение – это человек», «Растение – это животное», «Растение – это артефакт».

В метафорах, организованных по модели «Растение – это человек», основанием метафоризации может выступать ассоциативное сходство окраски растения с цветом какого-либо объекта действительности. Например, в метафоре *цыганка* ассоциативно соотнесены окраска соцветия и цвета одежды цыганок: *Сорняки тут <...> у нас на Западе называется секор, а тут называют цыганка. Ну, вот, может, када видели, как растет манка, такая высокая, красная. И эта такая большая, выглядит, как манка (цыганка, РЗ – ‘Растение (какое?) с зонтикообразным ярко-красным соцветием’)*. Метафора может основываться на сходном впечатлении, создающемся при восприятии объектов: растение *кампанула равнолистная* (лат. – *Campanula isophylla*), пышно цветущее белым цветом и оттого кажущееся особенно нарядным, в диалектном дискурсе получает название *невеста*: *А это невеста, говорить. Она, видишь, коуда расцветет вся, так она вся белая-белая, вон как невеста*. Вероятно, бравый вид, являющийся с точки зрения народного сознания необходимым признаком человека, который носит высокое воинское звание, ассоциативно соотносим с впечатлением, производимым пышно цветущим садовым растением с длинным прямым стеблем – циннией: *Не расцвели у ней цветочки. Я у нее прошлый год майоры брала, а розочка цветет моя одна*.

Признаки, приписываемые человеку, также могут выступить основанием метафоризации для имени цветка, который получает в метафоре и оценочную характеристику: составляющие ИЗ *принц* (‘Титул члена царствующего дома или владетельного князя в Западной Европе, а также лицо, носящее этот титул’) – «занимающий высокое положение», «отличающийся от большинства», «такой, к которому нельзя прикоснуться» – метафорически переосмысляются в названии комнатного цветка *черный принц*: *А вот это черный принц. Цветет раз в пять лет, тоже такой гордый*. (РЗ – ‘Дельфиниум многолетний (лат. – *Delphinium cultorum tall*)’). В качестве названия может использоваться имя собственное в сочетании с указанием характерного признака метафоризируемого объекта. Растение *бальзамин* (лат. – *Impatiens*) получает название *Ванька Мокрый*, потому что перед дождем его листья покрываются каплями растительной жидкости: *Ванька Мокрый если плачет, это к дождю*. Данное растение имеет и другое наименование, похожее на собственно человеческую характеристику, – *плакун*. В метафорическом имени цветка может отражаться субъективная (женская) оценка человека: садовое растение *Гибискус тройчатый* (лат. – *Hibiscus trionum*), цветущее ярко-желтыми цветами с черной сердцевинкой, называется *мужским сердцем*, что мотивируется формой сердцевины цветка (подобной стилизованной форме сердца) и символическим значением черного и желтого цвета: – *А вот этот цветок называется «мужское сердце». – Почему? – Когда он цветет, то цветы сверху желтые, а внутри черные. Желтые – измена, а черная – душа у мужчин такая*.

Отмечены в диалектном дискурсе также названия растений, в основание метафорического имени которых положено их функциональное назначение: *У мене здесь два цветка лечебные. Это индийская луковина, а то хирурх. Этот любую ранку заживае, а та от ридихулита (хирург, ИЗ – ‘Врач – специалист по хирургии’, РЗ – ‘Комнатное лекарственное растение каланхоэ перистое (*Kalanchoe pinnatum*)’)*.

Источником метафорического переосмысления может выступать часть человеческого тела, в том числе его скелет. Например, комнатное растение (какое?), листья которого по форме и способу соединения со стеблем напоминают трубчатые кости пальцев руки, получило название *кисти скелета*: *Я вообще цветы люблю, у меня их много. Вот это у меня кисти скелета. Ну смотрите, похоже ведь. Как скелет* (ИЗ *кисть* – ‘Часть руки от запястья до конца пальцев’). Растение календула (‘Травянистое растение сем. сложноцветных, с оранжево-желтыми соцветиями (лат. *Calendula*)’) на основании внешнего сходства по форме лепестков соцветия с человеческими ногтями получило название *ноготки* (ИЗ *ноготь* – ‘Роговой защитный покров, роговая пластинка на концах пальцев человека’): *Вот эти, что ты пьешь, – ноготки, вот лечебные очень цветки. <...> Календула она по-медицински, а по-нашему – ноготки.*

Ассоциативное сходство по форме лежит в основании метафорических названий частей растительных организмов. Эти метафоры в большинстве своем являются характеризующими и могут быть отнесены к части любого растения при возможности установления подобия с каким-либо объектом действительности. Растительный организм или его часть могут быть внешне похожи на часть человеческого тела, что дает основание для метафорического переноса имени: длинные стебли огурца называются *косами*, лекарственное растение, корни которого напоминают ладонь, – *пятипальником*, семянка коробочка растения – *головочкой*, корнеплод – *головешкой*. Отдельный корнеплод может напоминать внешним видом человека: *Картошке уже пора, а куда? А дождей и не было-то, так были (картофелины) как солдатики такие, с ручками, с ножками, с уловешкой*. Отростки растения, из которых может развиваться новый растительный организм, называются *детками*: *Вот как у него (цветка) детки появятся – я тебе дам посадить*. При этом одна часть метафор выступает в номинативной функции (*косы, пятипальник, головочка, детки*), другая часть метафор выполняет характеризующую функцию (*с головешкой, с ручками, с ножками, как солдатики*). В целом значительное количество диалектных метафор выявляет антропоморфность как способ образной интерпретации метафоризируемых объектов.

Объект животного мира выступает источником метафоризации на основании сходства внешнего вида или формы части своего тела и формы листа или соцветия растительного организма (метафорическая модель «Растение – это животное»):

– *барашки*, ИЗ *баран* – ‘Самец овцы’, РЗ *барашки* – ‘Лилия карликовая, узколистная, саранка красная – *Lilium pumilum Delile*’ (*А здесь у нас барашки растут – саранки мелкие*);

– *петушок*, ИЗ – ‘Самец курицы’, РЗ – ‘Иридодиктиум (ирис) (лат. *Iridodictyum*)’ (*А мама моя, ей солдат принес табак – куль, она там еще разрезала, и на речке цветочки синенькие, там вот, коло речки. Она этими цветочками покрасила и ходила – юбка была. – А что за цветочки? – Петушки такие синенькие*);

– *курочки*, ИЗ *курица* – ‘Домашняя птица, разводимая для получения яиц и мяса; самка петуха’, РЗ *курочки* – ‘Трава бубенчик четырехлистный – *Adenophora thunbergiana Kudo*’ (– *Варили курочек. Я их теперь, курочек этих, и не найду, я и не знаю, что они за курочки эти, трава такая. Она высокая, по-моему, и листики такие. – А какие у нее листочки? – По-моему зубчиками ли че ли они вот такие вот зубчиками*);

– *гусиные лапки*, ИЗ *лапа* – ‘Ступня или вся нога у животных и птиц (обычно крупных)’, РЗ *гусиные лапки* – ‘Лапчатка гусиная – *Potentilla anserina L.*’ (*Вот есть еще лечебная (трава) – спорышек. Он еще называется «гусиные лапки»*).

Метафоризация основывается на признаке, характеризующем форму отдельной части животного. Например, слегка закрученные лепестки соцветия ириса напоминают свисающие перья петушиного хвоста. Перенос в данном случае может быть основан и на сходстве цветовых характеристик: темные с синим отливом перья на хвосте петуха близки по цвету темно-синим у основания лепесткам ириса. Для меньшего по размеру, чем соцветие ириса, соцветия дикой саранки, лепестки которой также словно вывернуты наружу, в качестве источника метафорического имени выбран иной объект – баранья шерсть, причем метафора *барашки* призвана также отличать цветки лилии карликовой (саранки красной) от цветков лилии кудреватой (саранки обыкновенной, *Li Num martagon L.*), возможное метафорическое название которой нами в диалектном дискурсе не зафиксировано. Зубчатая форма листьев растения *курочки* напоминает форму куриного гребня, но для метафорического именованья самого растения, как и в приведенных выше примерах, используется имя самой птицы. Поскольку перечисленные метафоры относятся к объектам растительного мира, являющимся «уменьшенным подобием» каких-либо реалий, в них присутствуют уменьшительные суффиксы: *-ик- (-ек-), -к-, -ок-*.

Соотносимость места расположения части относительно целого (шкура у животного и лыко на стволе дерева) также обуславливает возможность метафорического переноса: *В лаптях ходили. Лапти так вот сплетены. С дуба. Вот этот шкурка срывается, под низом котора, белая. И вот с этой шкурки плели лапти.*

Номинативные метафоры, организованные по модели «Растение – это артефакт», источником для которых выступают артефакты, отражают какие-либо особенности внешнего вида растения, например, особенности формы соцветия или листа:

– *калачик*, ИЗ – ‘Пшеничный хлебец, выпеченный в форме замка с дужкой’, РЗ – ‘Пеларгония зональная (*Pelargonium zonale*)’ (*Это вот алой лечебнай. А это вот калачик*);

– *калачик*, РЗ – ‘Просвирник низкий – *Malva pusilla Smith*’ (*Какие сорняки на огороде? – Калачик есть. Вот, гад, противный! Такие у него листочки, как калачики. Он к осени обычно растет*).

Нередко метафора, называющая цветущее растение, основывается на цветовом подобии двух объектов действительности, на их форме и на производимом ими впечатлении. Это отражено, например, в метафоре *свечка*, выступающей названием растения (Пахистахис желтый (*Pachystachys lutea*)), имеющего бело-желтые соцветия вытянутой формы, напоминающие свечки и выделяющиеся яркими пятнами на темном фоне листьев (*– А это что у вас за цветок стоит на окне? – Это свечка называется. – Почему свечка? – Да потому шо, видишь, вроде желтая свечка, как свечка*).

В основание метафорического переноса может быть положено функциональное назначение растения. Комнатное растение с оранжевыми ягодами, используемыми для лечения простудных заболеваний, получает название *аспиринка*, поскольку способно выполнять функции лекарственного средства – аспирин: *Вот это у меня аспиринка, ну, или ангинка. Кто-нибудь из детей заболевает, я запарю ягодки, и все как рукой снимает (аспирин, ИЗ – ‘Лекарственный препарат, употребляемый как жаропонижающее и болеутоляющее средство’); аспиринка, РЗ – ‘Паслен ложноперецный *Solanum pseudocapsicum*’). Второе название этого растения имеет метонимические основания: ситуация, в которой заболевший ангиной человек пользуется лекарственным растением, метонимически переносится и на название самого растения – *ангинка*.*

Основанием метафорического переноса может выступить форма артефакта: на основании признака «округлая форма» картофель сопоставляется с хлебобулочным изделием: *Вот у нас на Западе была картошка, вот такая круулая, вот как пышка, и рябая-рябая*. Внешнее подобие формы, цвета и сходство тактильных ощущений при прикосновении к объекту лежат в основании метафорического сравнения *как мочалка*, характеризующего отростки картофеля: *Вот и картошка портится, ростки вот такие, и она как мочалка, мягкая такая*.

Вид территории, полностью покрытой однородными растениями, вызывает ассоциации с гладким предметом, поэтому метафорическую интерпретацию получает огород – по внешнему виду и производимому впечатлению он соотносится с *зеркалом*: *У меня чистый оуород. Мужик один уворить: «Ну ни у кого нету такого оуорода, как у тебя. Зеркало!»* (РЗ – ‘Об отсутствии сорных растений на огороде’). Выделяемые в значении слова *зеркало* (ИЗ – ‘Гладкая, отшлифованная поверхность, отражающая находящиеся перед ней предметы, а также специально изготовленное стекло для рассматривания своего отражения, для украшения стен и т.п.’) дескриптивные компоненты «гладкий», «ровный» и периферийный компонент «чистый» связывают источник и объект метафоризации.

Метафорический перенос возможен и внутри одной понятийной группы (метафорическая модель «*Растение – это другое растение*»). Например, соцветие одного растения может быть сопоставимо по внешнему виду с плодом другого растения: *Где голубица растет, там они растут. Она (трава) небольшая, и на ней вот такие шишки. Вот идешь – она за платье цепляется, эти шишки*. Метафоризация основывается на таких признаках ИЗ как «шарообразная форма» и «поверхность с выступающими частями».

В целом в метафорах, называющих объекты растительного мира, отражаются основные закономерности метафоризации – это стремление сделать объяснение наглядным (*головешка, как мочалка, шишки*) и обращение к хорошо знакомым, освоенным понятиям других понятийных сфер при назывании или характеристике малознакомых или неосвоенных понятий (*пятипальник, шкурка*).

В метафорических **названиях периодов, составляющих вегетативный цикл растения**, обозначении способов распространения, лечебного воздействия чаще всего подчеркивается антропоморфность растительных организмов: их «действия» и «состояния» соотносимы с разнообразными действиями и состояниями человека. Эти метафоры реализуют метафорическую модель «*Растение – это человек*».

Начало роста растения связывается с началом пешего перемещения человека и интерпретируется через глаголы направленного движения: *И травичка посохла. Нету дождика. Ой ты, дождик, дождик. Тогда б пошла картошка* (ИЗ *идти* – ‘Направляться, отправляться куда-л. с какой-л. целью’, РЗ – ‘Начать рост (о растительном организме)’). Сорные растения, распространяющиеся по какой-либо территории, в представлении диалектоносителя действуют как существа, *ползущие* или *пролезающие* тайком куда-либо: *Вот есть трава мокрец, такой, по оуородам он ползет; Крапивою заросли вот мы. И сюды попролазила*. Поскольку скорость разрастания для растения по сравнению со скоростью перемещения человека невелика, говорящий выбирает глаголы движения, в ИЗ которых содержится признак «медленно». Отсутствие роста и развития (плодов) аналогично отсутствию двигательной деятельности сидящего человека: *У меня была клубника, хорошая была, а потом че-то пропала. <...> Посадила, года два она*

у меня или три *сидела*, цвела белым-белешенька, а ни одной ягодки не было (*сидеть*, ИЗ – ‘Занимать положение, при котором туловище поддерживается вертикально, опираясь на ягодичы’, РЗ – ‘Не плодоносить’). Период, когда дерево покрывается листвой, интерпретируется как процесс одевания растительного организма, что является результатом сопоставления человека и растения: *Ой, прошлый год было груш – божье мой! А нонче покупать надо будет на базаре на варенье. Да хоть бы не засохли, маленько они стали одеваться* ведь, а то вообще (РЗ *одеться* – ‘Облечься в какую-л. одежду’, ИЗ *одеваться* – ‘Покрываться листвой’). Быстрый рост и распространение сорных растений обозначается глаголом *буйнить*: *Щас в огороде работать надо: вон как трава буйнит* (*буйнить*, ИЗ – ‘Буйно вести себя, бесчинствовать’, РЗ – ‘Бурно разрастаться (о траве)’). Активное распространение сорной травы по территории может быть интерпретировано и через глагол деструктивного воздействия на объект *задавить* (ИЗ – ‘Придавлив собой (о чем-л. тяжелом, упавшем), умертвить’, РЗ – ‘Распространиться по большой территории (о растении)’): *Сорняки нас совсем задавили*. Хотя непосредственным объектом в данной ситуации выступает территория, засаженная культурными растениями, человек метонимически переносит результат негативного воздействия на себя. Распространение растительного организма, портящего поверхность, которую он покрывает, интерпретируется через глагол *съесть* (ИЗ – ‘Принять какую-л. пищу, уничтожить, поедая’): *Подоконники меняли, рамы меняли <...>, видно, поставили такие, они, их грибок быстро съел*. Так как объект, поверхность которого покрыта грибком, становится непригодным для использования, говорящий интерпретирует действие грибка как уничтожение объекта (РЗ – ‘Покрыть что-л. (о спорах растительного организма)’). Звуки, которые возникают при ударе по дереву, интерпретируются как звуки, которые издает человек: *Посмотрели (дерево), нет ли гнили, не бубнит ли оно. <...> Дупло есть внутри – глухо (бубнить, ИЗ – ‘Моноotonно повторять, твердить’, РЗ – ‘Издавать глухой звук при ударе (о полом стволе дерева)’). Годовой цикл дерева соотносим с жизненным циклом человека: в конце лета – начале осени, когда дерево получает все меньше питательных веществ из земли, его листья становятся более мягкими, вялыми, что в представлении диалектоносителя близко состоянию стареющего человека: *На зиму уготовят (веники). Вот как бяреза ужо начинае(т) старэть, уготовят, на вышку заносять, вешают их*.*

Растение для диалектоносителей не просто объект мира природы, оно – *живой* организм, и человек интерпретирует возможность использовать свойства растительных организмов как их *помощь* людям. Говорящий использует глаголы воздействия на объект, при этом субъектом действия выступает растительный организм или природа в целом. Например, о том, что еще в первой трети XX в. в деревне практически все носили одежду, изготовленную из льна или конопли, говорящий сообщает как о помощи, которую оказывало человеку растение: *Раньше лен всех одевал*. Все, что растет на огороде, *кормит* сельского жителя (– *В войну что вы ели? – А вот так же, как сейчас, оуород кормил*), и потому человек не может не заниматься им, не может заставить его *ждать* себя: *Я тебе рассказал бы, да некогда: огород ждет*.

Сельский житель, пожалуй, лучше городского понимает, что находится с природой в потребительских отношениях: *Вот есть трава мокрец, такой, по оуородам он ползет. Это очень хорошее лекарство. <...> Еловые шишки, их засыпать сахаром, поставить на все лето на окошко. <...> В чай добавляете, когда кашель сильный. Это очень хорошо. Вот это все ж... природа дает. Природа дает*. При этом человек, живущий в окружении природы, осознает, что

она обладает властью над ним. Например, тайга, самый густой лесной массив, в представлении говорящего наделяется силой (*В Белоруссии детей живых наших гонят, ну, там остановились, там тайга сильная, там еще, наверно, месяц были*) и может проявлять свое отношение к человеку и выражать власть над ним, даже лишая его жизни, *забирая* к себе: *Тайга любит смелых, серьезных, нетрусливых. И здоровых. Нездоровых тайга не любит, забирает.*

2. Неживая природа

Объекты неживой природы интерпретируются диалектоносителем в первую очередь как живые существа; основная метафорическая модель, реализуемая метафорами этой группы: «Объект неживой природы – это человек». Помимо этого, нами отмечены метафоры, отражающие метафорические модели: «Объект неживой природы – это живое существо» и «Объект неживой природы – это артефакт», но количество их незначительно, и можно предположить, что подобное соотношение будет сохраняться и при анализе большего объема метафорических единиц.

Как активный субъект интерпретируется земля – она *дает* урожай: *Раньше сеяли и все было. А щас, конечно, посеяли – ни удобрения, ничего. Ну какая земля будет **давать**?* (ИЗ *дать* – ‘Передать из рук в руки, вручить’, РЗ *давать* – ‘Быть плодородным (о земле)’). Как человек, она способна *забрать* какой-либо объект: *Ў окно ўлетел шар (шаровая молния), и дўух деўчонок как будто поубивало. А их ўзяли да ў эту, ў землю, ямы сразу выкопали, и, ўоворят, надо сразу <...> в яму надо **закапывать** и в землю, земля **забирает** ўот это все* (ИЗ – ‘Взять, захватив или охватив рукой (руками и т.п.)’, РЗ – ‘Устранять негативные последствия чего-либо’). Как и у человека, у земли есть срок «активной», плодородной жизни; по окончании его земля становится *старой*: *Грубая может быть земля. То када **старые** земли, зятянутые дождями* (ИЗ – ‘Проживший много лет, достигший старости’, РЗ – ‘Не пригодный к использованию’).

Стремление говорящего очеловечить природу проявляется и в том, как характеризуется, например, высыхание озера или болота: *Речка прибывала часто. Щас она уже вся пересохла, все озера **умирают*** (ИЗ *умереть* – ‘Перестать жить’, РЗ *умирать* – ‘Высыхать (о реке, озере)’). Текущая вода, способная менять скорость и направление течения, метафорически сопоставляется с живым существом, перемещающимся в пространстве, что передается через глаголы движения: *Идет... как вам? Ключ с села, да, Красноярова **идет** ключ; Она, вот примерно пейсят шестой, пейсят седьмой ўода, вода еще **ходила**, а после семьдесят второго ўода воды той не стало. Около деревни **ходила** Томь (река), а щас она там, наверху.* Бурлящие звуки, сопровождающие быстрый подъем уровня воды в реке, сравниваются с бурчанием: *Тогда речка разливалась. Тут вода **шла**, (в)от **бурчит**. Черная, страшно было (бурчать, ИЗ – ‘Невнятно говорить; бормотать, ворчать’, РЗ – ‘Издавать глухой звук (о воде)’).*

Передвижение небесных светил, представления о которых идут из первых мифов об устройстве мира, диалектоноситель непосредственно связывает со своей жизнью, моделируя их суточный цикл по подобию своих ежедневных действий: *Не слезали с поля. Солнце **спит**, мы в поле, солнце **уснуло**, мы ще в поле, вот так работали, старались, шоб война кончилась.* Месяц в метафорической интерпретации, скорее, анималистичен (имеет *рога, брюхо*), но также оживлен: *В народе молодой месяц **молодик** называют. Вот как он **стоит**? На **рогу** **стоит** – это дождливый (день). Если вот, как ўоворят, на **брюхе лежит**, можно ведро повесить, то*

сухой (день). Приведенные метафоры организованы по модели «Объект неживой природы – это человек».

Диалектная метафора выявляет также сходство внешнего вида природных объектов с одной стороны и артефактов или натурфактов – с другой (модели «Объект неживой природы – это живое существо» и «Объект неживой природы – это артефакт»): куски льда, выталкиваемые течением на берег во время ледохода, ассоциируются говорящим с крыльями птицы (*Он сильно разливается, Амур. И (в)от если пойдет весной лед, аж на берегах (в)от такие **крылины**, (в)от такие, одна на одной, выталкивает и лежат, таят*). Ледяные наросты, образующиеся на реке во время ледостава, похожи на толстые полы шубы: *Остановилась река. <...> (Лед) дыбом становится и так замерзает, не гладко, значит. Это озеро может гладко, а быстрая река, это, напирает, сдавливает, и получается такие **шубы**. Торосы они называются. Прозрачная, незамутненная вода чиста, как поверхность зеркала, хорошо отражающего находящееся перед ним, поэтому вода сравнима с зеркалом: *Вода два дня если постояла, уже у ей запах какой-то и уже осадок какой-то становится, а эта (святая) как зеркало* (РЗ – ‘О чистой, прозрачной воде’).*

3. Природные явления

Явления природы выступают как действующие с определенной силой и/или интенсивностью, поэтому естественным образом интерпретируются в диалектном дискурсе как **активный субъект** (модель «Явление природы – это человек»). Поскольку жизнь сельского человека напрямую зависит от погодных условий, а нежелательные, несвоевременные изменения, возникающие в результате некоторых природных явлений, мешают ему, то в метафорической интерпретации жара, мороз, туман, дождь в основном совершают разрушительные по отношению к человеку действия, обозначаемые глаголами физического воздействия на объект *захватить, ударить, бить, убить*: *туман захватил; жара ударила; помидоры убьет мороз*. Богато представленная сфера физических действий человека выступает источником для метафорического переосмысления глаголов воздействия на предмет. Силу природного явления, например, дождя, передает глагол, связанный с физическим воздействием на объект, – *влупить*: *Сначала сидели у невесты, потом пошли к жениху, а дождь влупил!* Метафора *влупить* образована в два «этапа»: на первом от прямого значения глагола *лупить* (Очищать от коры, кожуры, скорлупы || Сдирать, отдирать (кору, кожуру, скорлупу)) образовалось производное ‘Сильно бить, колотить, сечь кого-л.’; основанием для такого переноса, по-видимому, явился деструктивный характер воздействия на объект, при котором требуется применение физической силы, а также (в первом случае обязательно, во втором вероятно) повреждается верхний «слой» объекта. Второй метафорический перенос, уже от производного значения глагола *лупить*, основан на актуализации признака «сильно»: РЗ *лупить* – ‘О проливном дожде’.

Резкое снижение температуры в представлении говорящего равно по силе удару: *Сою-то сушить не надо. Мороз ударил – она все, можно убирать* (ИЗ – ‘Произвести удар (удары)’, РЗ – ‘Проявиться изменением температуры (о природном явлении)’). Поскольку такая смена температур влияет, в частности, на плоды садовых растений, делая их более мягкими, оказываемое воздействие метафорически передается через глагол *придавить*: *И смородина, и калина, все росло. Тожье рвали по осени, як уже мороз придавит, она (калина) мягкой делается и сладкой, а так кислые* (ИЗ – ‘Своей тяжестью или чем-л. тяжелым прижать’, РЗ – ‘Воздействовать

на что-либо изменением температуры (о природном явлении)'). Вспышки молнии в темном грозовом небе похожи на удары веревкой – и по резкости действия, и по внешнему виду: *А молния веревками так бьет!* (ИЗ – 'Ударять, колотить', РЗ – 'Ударять разрядом электричества'). Наводнение, в результате которого человек может остаться буквально без хозяйства и без дома, *забирает* все, что оказывается в зоне распространения воды: *Жили все в достатках, а потом это все водой забрало у нас, и нас сдали в Мазановский район, поселение, и мы переехали* (ИЗ – 'Взять, захватив или охватив рукой (руками)', РЗ – 'Унести нахлынувшей водой').

4. Животный мир

Малое количество зафиксированных метафор, представляющих объекты **животного мира** (3,8 % от количества метафор данной сферы), не позволяет делать выводы о специфике метафорической интерпретации объектов этой сферы. Можно лишь отметить, что название живому существу диалектоноситель дает чаще всего на основании особенностей его внешнего вида: *конь (конек)* (ИЗ – 'Лошадь', РЗ – 'Рыба (какая?)'), *плеть (плетка)* (ИЗ – 'Кнут из перевитых ремней или веревок', РЗ – 'Касатка'), на основании сходства части тела с каким-либо объектом: *перышко* (ИЗ *перо* – 'Роговое наковое образование у птиц, представляющее собой полый стерженек с пушистыми отростками по бокам', РЗ – 'Плавник'). Названные метафоры являются номинативными и содержат объективную характеристику предметов, не включая их оценку.

Если относящаяся к живому существу метафора выполняет характеризующую функцию, она может быть отнесена к любому животному, обладающему определенным набором характеристик. Например, животное, которое может поместиться на ладони человека, представляется ему очень маленьким, поэтому метафорическая характеристика его может быть выражена лексемой *рукавица* – размеры животного соотносимы с предметом, имеющим длину, равную длине человеческой ладони: *А щас взяли вот Зюзю (щенка). Он еще молодой еще был. Принесли его, таку рукавицу, а он так, шерсть эта большая, длинная, а у него это, в сосульках вся.* Помимо ассоциативного сходства двух названных объектов по размеру, они могут быть сопоставимы и по внешним признакам: ИЗ *рукавица* включает признаки «мягкий» и «пушистый», которые являются также периферийными компонентами ИЗ *щенок*; в описываемой ситуации длинная шерсть животного была покрыта сосульками, точно так же, как поверхность рукавицы может быть покрыта ледяными наростами. На тех же основаниях метафора *рукавица* может быть отнесена к любому живому существу аналогичного внешнего вида.

Подобным образом характеризующая метафора *бродяга* ('Животное, которое выходит за пределы отведенной ему территории'), в зафиксированном контексте относящаяся к кабану, называет любое животное, чье поведение может быть охарактеризовано как поведение *бродяги*: *Ой, у меня вчера кабан натворил! Я <...> только калиткой зван... бац! и в огородчик сюда! А-а-ах! Только калитку открываю – он шмыг и сюда! Елки-палки-и-и! Вот такой бродяга.* Метафора в данном случае имеет двойственную мотивацию: она образована от метафорической же номинации *бродяга* ('О любителе странствовать, менять местожительство'), которая является производной от лексемы со значением 'Обнищавший человек, не имеющий постоянной работы и постоянного местожительства'. На первом этапе метафоризации основанием выступили признаки «непостоянный», «незакрепленный», на втором этапе был актуализован признак «перемещающийся».

В основе метафор, интерпретирующих явления и объекты мира природы, лежат сформировавшиеся в сознании человека концепты, содержащие его представления о свойствах его са-

мого и окружающего мира. В качестве когнитивных источников смыслов для метафоризации артефактов и натурфактов используются концепты понятийных сфер «человек» («анатомия», «физиология», «семья» и др.), «артефакты» («домашняя утварь», «инструменты», «постройки» и др.) и «природа» («животный мир», «растительный мир», «мир неживой природы»), т.е. можно выделить антропоморфные метафоры (моделирование объектов метафоризации по подобию человека) – 64,4%, артефактные метафоры (интерпретация реалий как предметов, созданных трудом человека) – 18,3% и натуроморфные метафоры (реалии осознаются в концептах мира окружающей человека природы) – 17,3%.

Объект природного мира, имеющий набор определенных параметрических сущностных и структурных характеристик, может быть представлен как своего рода двойник человека. В основном в объектное поле метафоризации попадает внешний вид растительного организма и его жизненный цикл. Антропоморфными в восприятии диалектоносителя оказываются также природные явления, явления неживой природы. Все частные модели («*Явление природы – это человек*», «*Растение – это человек*» и т.п.) являются реализацией базовой метафорической модели «*Природа – это человек*». Антропоморфизм по отношению к объектам мира природы объясняется, скорее всего, не столько необходимостью концептуализировать объект или явление этого мира, сколько отражением восприятия всего без исключения природного как живого, способного чувствовать и действовать, как и человек.

Количество метафор, в которых в источнике метафоризации выступает артефакт, незначительно. Объект мира природы, интерпретированный как артефакт, охарактеризован с точки зрения его внешнего вида. Метафорическая модель «*Растение – это артефакт*», конструируемая на основе рассматриваемых метафор, подтверждает стремление диалектоносителя выбирать для характеристики какого-либо объекта близкий, хорошо знакомый образ.

Объекты мира природы используются для метафорического переосмысления при именовании объектов той же понятийной сферы в основном с целью назвать конкретный растительный организм по какой-либо особенности его внешнего вида, выделяемой также и у объекта-источника. Метафора, использующая наглядный образ, оказывается более удобным для диалектоносителя обозначением объекта растительного мира. Но в целом метафорическая модель «*Растение – это натурфакт*» малопродуктивна в диалектном дискурсе, количество метафор, реализующих ее, незначительно.

Анализируемые метафоры отражают специфику миромоделирования в диалектной языковой картине мира. Одной из значимых особенностей восприятия мира природы диалектоносителями является идея одушевленности объектов этого мира. Их антропоморфизм объясняется и принципом антропоцентризма по отношению к объекту именованию (мир, определенный человеческими «параметрами», становится более понятным, его элементами проще оперировать), и отголосками мифологического мышления, что «подпитывается» реальным положением дел: выжить в современном мире сельскому жителю помогает прежде всего земля и то, что на ней растет и живет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387–416.
2. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации (Глава 1-2). Екатеринбург, 2003. 248 с. // Русский филологический портал // URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm>